

МУЗЫКА ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Огненной иглою прошивает
Небеса стремительный болид.
Ночь такая чудная бывает!
И душа не ноет, не болит.

Ветер заплутал в древесных кронах,
Из ветвей не выбравшись, уснул.
И вокруг – ни шороха, ни звона.
Месяц в чёрной бездне утонул.

На губной гармошке я играю,
Мысленно читая новый стих.
Ноты я слегка перевираю,
Впрочем, дело, в общем-то, не в них.
Хорошо под звёздами на даче,
В кресле на некошеной траве.
И себя здесь чувствую иначе,
И такая лёгкость в голове!

НА ЗАКАТЕ

Я провожал брюнетку в красном платье.
В полнеба тлел оранжевый закат,
Но из того, что мог тогда желать я
Не всё сбылось, в чём сам и виноват!

Она в тот миг расстроилась неожиданно,
Что вечер путь наш общий завершил,
Звала с собой в приморский город Жданов,
Но я поехать так и не решил.

Я в наш счастливый случай не поверил,
Чего себе с годами не простил.
Не написал ей, сам себя уверил,
Что ласточку на волю отпустил.

Ах, как закат по небу распластался!
Глаза, кудряшки, платье, летний зной...
И от всего на память мне остался
Лишь чёрно-белый снимок с желтизной.

КАРФАГЕН

У развалин Карфагена море кажется зелёным,
Тёплый ветер гонит волны на оранжевый песок.
Раскалившееся солнце смотрит взглядом утомлённым
На покои президента (от руин – наискосок).

Над тунисским побережьем кружат чайки в небе чистом,
А в глазах экскурсовода – отраженье стройных пальм.
Средь разрушенных строений бродят шумные туристы,
На волнах маячит судно, уплывающее вдаль.

Напряги воображенье, призови свои познания,
И из праха встанет город, поразивший древний мир,
Повергавший в трепет пришлых, потрясавший их сознание
И, что важно для искусства, возбуждавший струны лир.

Не продуй пунийцы битву (что теперь неоспоримо),
Было б всё тогда иначе в мире фактов и легенд,
И бродили б злые ветры по разрушенному Риму
И сиял бы всей красою вечный город Карфаген.

Не сложилось. Слава Риму, процветавшему веками!
До сих пор слывет столицей современник пирамид.
Если б знали Рэм и Ромул, заложивши первый камень,
Как над миром изумлённым слово «Roma» прогремит!

У развалин Карфагена море тронута закатом,
Но жара спадает вяло. Тень деревьев, как магнит.
Опускаясь к горизонту, солнце смотрит виновато.
– Это Африка, ребята, – на прощанье молвит гид.

Ночь окутывает город. Море – чёрная прореха.
Лишь немного серебрится водной кромки полоса.
Средь разрушенных строений ходят воины в доспехах,
И невнятно раздаются их глухие голоса.

ГРУСТНОЕ

Жизнь отнимает годы безвозмездно.
Мой дом – из брёвен, с мебелью простой,
А за окном – космическая бездна,
С её холодной чёрной пустотой.

Во мраке звёзды россыпью искрятся,
Но все они безмерно далеки.
В сознании мысли грустные гнездятся,
Их не смахнуть движением руки.

Уходит мир, который был мне дорог,
Где пустота сменила суету,
От всей Земли остался лишь пригорок,
И на пригорке – яблоня в цвету.

ГРАФИКА

Я в межсезонье раньше на юге не был.
Жизнь в эту пору блёкла, но не грустна.
Зимнее море кажется частью неба,
Женщина в зимнем кажется частью сна.

Снег то растает, то снова несмело ляжет.
Волны уносят рифму моей строки.
Серых крикливых чаек на белом пляже
Женщина в черном кормит почти с руки.

ГРАНИЦА

...А города – из детства – больше нет.
Он мне ночами в чёрном цвете снится.
Из окон в сумерках не льётся яркий свет,
Лишь пепел на сухом ветру кружится.

Дворы пустеют. Кто сумел, бежит.
Сидеть в подвалах вечно невозможно.
Теперь спокойно дня нельзя прожить –
Ведь даже если тихо, то тревожно.

Разбитый дом. Разрушенный базар.
На фоне солнца абрисы развалин.
А где недавно буйствовал пожар,
На серых стенах – живопись опалин.

Те, что остались, время торопя,
Надеются: былое возвратится.
Но пролегла по судьбам и степям
Невидимая страшная граница.